

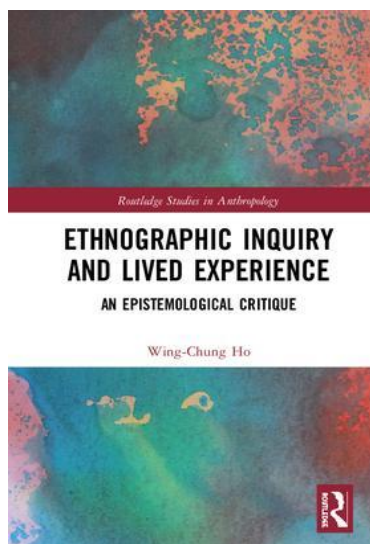
РЕЦЕНЗИИ

УДК 392.311

DOI: 10.17223/2312461X/27/13

НОВЫЙ РЕАЛИЗМ В АНТРОПОЛОГИИ И ОБЩАЯ ТЕОРИЯ ПЕРЕЖИВАНИЯ ВИНЧУНА ХО

Wing-Chung Ho. *Ethnographic inquiry and lived experience: an epistemological critique*. Routledge, 1st ed., 2019. 218 p.
ISBN: 978-1138478909



Эпистемологические основания этнографии не часто становятся предметом, обсуждаемым антропологами и социологами. Это, должно быть, связано с тем, что теоретическая работа некоторым кажется недостойным и неблагодарным витанием в облаках, не идущим к лицу тому, кто по локоть в грязи в поисках архаичных безделушек, или тому, кто в поте лица допрашивает информантов в «поле». Теория, дескать, это для тех, кто боится испачкать руки. Однако, как отмечает И. Гофман со ссылкой на чьи-то слова: «Нам следовало бы радоваться возможности обменять то, что мы успели сделать до сих пор, на несколько по-настоящему хороших концептуальных разграничений и кружечку холодного пива» (*Пер. автора по Goffman 1983: 17*). Иными словами, по-настоящему хорошая теория, удовлетворяющая требованию понимания феномена, дает право отдохнуть тем, кто пачкает руки.

Книга Хо «Этнографическое исследование и концепция переживания: эпистемологическая критика» приближается, как мне представля-

ется, к идеалу подобного рода теоретической работы, посвященной эпистемологическим основаниям этнографического исследования, и являет собой непревзойденный пример четкого изложения и ясности мысли. Она вышла в издательстве Routledge в серии «Достижения в социологии» (Advances in Sociology). Ее автор, Винчун Хо (PhD), является адъюнкт-профессором факультета социальных и поведенческих наук Городского университета Гонконга.

По признанию самого автора, идея книги пришла ему в голову чуть более двадцати лет назад, в 1998 г., когда он только начинал работу над докторской диссертацией. Поэтому данная работа вписывается в контекст дебатов и научного дискурса тех времен, при этом, однако, в ней обсуждаются многие узловые моменты, которые актуальны для современной социальной науки. Чтобы не ввести читателей в заблуждение, стоит отметить, что автор приводит новейшие цитаты и привлекает как работы классиков, так и свежие статьи и публикации; библиография содержит порядка 500 источников. Книга состоит из введения, двух частей, каждая из которых содержит по три главы, и заключения.

Автор начинает с обсуждения двух фундаментальных проблем, которые не находят однозначного решения у тех, кто так или иначе проводит этнографическое исследование. Первая – что обладает *эпистемологическим приоритетом: полевая работа или постполевая практика письма*? Радикальное решение автора заключается в том, что письмо, т.е. передача в текстовой форме переживания Другого (непосредственно этнография), находится в приоритете по отношению к работе в поле, несмотря на то, что поле предшествует во времени письму. Хо конкретизирует это в понятии *эпистемологического разрыва* (epistemological break), которое в дальнейшем эксплицирует, основываясь на переписке между Шюцем и Парсонсом. Опуская специальную терминологию, использованную автором в его книге, можно сказать, что исследователь не может познавать Другого в процессе сбора материала и непосредственного общения, это познание осуществляется *post factum* на расстоянии, по возвращении исследователя домой, когда он может выйти из нерелефлексированного момента переживания и, сделав его объектом размышлений, обсудить с коллегами. Иными словами, настоящее познание Другого происходит уже после того, как полевой материал собран, в процессе письма, т.е. теоретической работы. Автор делает акцент на том, что этот разрыв не является отсылкой к взаимной недоступности культурных миров этнографа и информанта, не является он и эмпирическим в том смысле, что оба субъекта видят мир по-разному (р. 36). Этот разрыв происходит вследствие темпоральных ограничений – можно лишь чередовать действие, координируемое здравым смыслом, с действием, подчиненным научному познанию, но никак не совмещать их. По мнению автора, этого разрыва нельзя избежать или

каким-либо образом его преодолеть. Он не позволяет переживать Другого до того, как мы можем об этом переживании написать (Ibid.).

Все же несмотря на то, что Хо ставит письмо в приоритет и проблематизирует его, он почти ничего не говорит о том, как писать, не предлагает какую-либо определенную технику или модус письма, не дает советов и не формулирует правил. Сам процесс письма он как будто бы оставляет за скобками. Это связано с тем, что автор является реалистом и отрицает позицию постмодернистов, согласно которой *быть – значит быть записанным в тексте*.

Автор развивает свой подход к познанию реальности, при этом разделяя некоторые положения критического и научного видов реализма. Он называет это *«engaging realism»* – не берусь точно перевести этот термин, однако вариантом может быть «вовлекающий реализм», так как ключевым для него является как раз то, что научное сообщество *вовлекается* в дискуссию вокруг теоретико-эмпирического соответствия в объяснении некоторого явления. Несколько упрощая, можно сказать, что основные положения данного вида реализма помимо того, что существует независимая от субъекта (его мыслей, поступков и пр.) реальность, следующие: 1) знание, полученное о Другом, не может быть валидизировано *напрямую* во взаимодействии с ним – только в процессе научной коммуникации; 2) эпистемологически доступный онтологический реализм – имея в распоряжении ограниченные познавательные инструменты и используя их, этнограф должен добыть как можно больше информации о том, как эти инструменты ведут себя при взаимодействии с изучаемым феноменом, чтобы как можно больше о нем узнать (но он должен помнить, что не все доступно познанию, поэтому не стоит притязать на вещи, которые невозможно исследовать научно, однако, нужно постепенно отодвигать ширму непознаваемого); 3) эпистемический релятивизм, удостоверяемый рациональной оценкой, – то, что любое знание является социальным продуктом и таким образом исторично, не означает, что не существует рациональных способов это знание проверить.

Отдельными пунктами автор дает иллюстрации к некоторым главам, когда хочет наполнить свою мысль конкретным содержанием. Так, чтобы пояснить, как работает выявление подходящего объяснения для конкретного феномена в ходе научного обсуждения, он пересказывает дискуссию, развернувшуюся вокруг вопроса, касающегося того, почему гавайцы убили капитана Джеймса Кука и каково было их отношение к нему. Главными участниками и оппонентами выступили Маршалл Салинз и Гананат Обейсекере. Участники предлагали свои гипотезы и объяснения, но в итоге победить было суждено одной из точек зрения. Неважно, чем разрешился спор, данное пояснение призвано продемонстрировать идею автора о том, как соответствие теории и эмпирических

данных, становясь доступным широкому научному сообществу, приводит к приближению к достоверному знанию путем валидации исходных положений спорящих сторон. Идея довольно стара, тем не менее, Хо настаивает на такой природе научного поиска, в том числе ссылаясь на главный труд историка науки Томаса Куна и на очерки Чарльза Пирса.

Во второй части Хо своим примером показывает, как устроены такие дискуссии, ввязываясь в спор о семейных отношениях с антиреалистами или, как он их называет, радикальными конструкционистами (не путать с конструктивистами), которые считают, что внеродственные отношения конструируются по аналогии с родственными, например, пациент-сиделка, читай: мать / отец-дочь (или наоборот, в зависимости от возраста). Однако в первую очередь он рассматривает непосредственно *предмет этнографического описания* (и это вторая фундаментальная проблема). Что это за предмет? – Для Хо таковым выступает «переживание» – *lived experience* (нем. *Erlebnis*), проблематика которого подробно разработана в феноменологии. Переживанию свойственны *трансцендентальность* (предзаданность и непроблематичность жизненного мира) и *нон-дискурсивность* («неизвестные» элементы переживания, которые не высказаны, но потенциально могут таковыми стать). Другой переживается в соответствии с этими характеристиками – знание и восприятие Другого, соответственно, имеет трансцендентальную и неясно выраженную природу. Такое понимание Хо заимствует у Шюца, который, используя понятия аппрезентации и апперцепции Гуссерля, развивает свою концепцию жизненного мира, и далее у Гарфинкеля, который продвигает ее до изучения конституирования социальных порядков. Хо приводит иллюстрацию того, как это плохо поддающееся выражению переживание может быть схвачено в исследовании сексуальных отношений у супружеских пар. Он предлагает два новых метода – *поверхностное интервью* (*surface interview*) и *область ответов* (*answer-aire*), которые позволяют научно исследовать сферу нон-дискурсивного. Опять-таки сам пример не играет существенной роли, главное здесь – демонстрация методического потенциала.

В данном примере Хо проводит интервью из шести вопросов, при этом роль этнографа минимизируется: он лишь слушает информанта и в конце уточняет, есть ли ему что сказать еще (такая процедура противостоит понятию глубинного интервью, откуда и название). Супруги опрашиваются отдельно друг от друга, перед этим, однако, производится нечто похожее на нарушающий эксперимент, их просят прочитать рассказ, в котором жена изменяет мужу. Нон-дискурсивное же проявляет себя в том, о чем не говорят информанты. Как понять, о чем они не говорят? – Загодя составить список тем, которые широко обсуждаются в обществе. Это и есть область ответов. В данном случае Хо составил ее на основе информации, которую он почерпнул из книг о

супружеских отношениях, в которых обсуждаются самые распространенные топики. Темы из этого списка, которые не затрагивал информант, и будут указывать на сферу умалчиваемого. Данный метод позволяет понять, как нон-дискурсивные практики конституируют повседневную реальность, ибо если бы нам приходилось все подвергать проговариванию, а не допускать, что другие будут понимать оставленные невысказанными вещи, наши взаимодействия с ними были бы затруднены, если и вовсе невозможны (p. 98).

Автор заключает книгу предложением собственной теории. Так как переживания, которые испытывает этнограф на протяжении полевого периода, не могут быть выражены непосредственно вследствие эпистемологического разрыва, необходимо их дальнейшее теоретизирование, которое, однако, должно учитывать, как уже было сказано, такие характеристики переживания как нон-дискурсивность и трансцендентальность, а также тот способ, каким властные отношения вплетаются в ткань повседневной жизни, преобразуя субъективность и практику агентов. Для этого автор сочетает несочетаемое – он сводит вместе такую пару, как Альфред Шюц и Мишель Фуко. Первый ему интересен своей концепцией жизненного мира, а второй – концепцией власти и знания. На этой основе он предлагает свою *общую теорию переживания*, которая, на его взгляд, является необходимой для всякого этнографического исследования. Не могу сказать, что эта теория была автором в каком-либо месте книги выражена четко, не могу также назвать комбинацию или наложение двух концептуальных рамок теорией, а уж тем более считать метафору «кнута и пряника» в качестве иллюстрации этой теории ясной, тем не менее, справедливо будет сказать, что эти концепции заполняют бреши друг друга, чего автор и пытался добиться: любая теория переживания должна отсылать к умалчиваемому и часто неосознаваемому диктату власти, который конституирует и субординирует Я.

По мысли автора, книга должна помочь читателю оценить конкретную форму отношений между исследователем и субъектом, которые составляют эпистемологический пререквизит при анализе и теоретизации этнографических данных. Однозначно, труд, проделанный автором, является значимым и колоссальным, однако, по-моему, пока рано бросать все дела и идти пить пиво. Автор бы и сам согласился с этим: по его словам, лучше продолжать научный поиск, чтобы что-то узнать, чем не узнать ничего, и это «что-то» ценно не из-за своей истинности или мнимого прогресса, а в силу того, что оно позволяет нам заглянуть под завесу непознаваемого неизвестного (unknowable unknown), что, в свою очередь, и приводит к росту научного знания (p. 86).

В действительности книга Хо гораздо интереснее, чем осуществленный мной пересказ; я лишь пытался донести ее особенности и общие

черты. Она вносит новый вклад в понимание предмета, метода и задач этнографии как науки. Советую ее всем, кто хочет разобраться в эпистемологических основаниях этнографического ремесла. Это хороший пример теоретико-эпистемологической работы в рамках реалистического научного подхода к изучению этнографической действительности, выполненной в простой и изящной манере.

Литература

Goffman E. The Interaction Order: American Sociological Association, 1982 Presidential Address // *American Sociological Review*. 1983. Vol. 48 (1), № 1. P. 1–17.

Отар Вахтангович Чантуридзе

Рецензия поступила в редакцию 19 ноября 2019 г.

Chanturidze Otar V.

NEW REALISM IN ANTHROPOLOGY AND THE GENERAL THEORY OF LIVED EXPERIENCE FROM WING-CHUNG HO.

Review of Wing-Chung Ho. *Ethnographic inquiry and lived experience: an epistemological critique*. Routledge, 1st ed., 2019. 218 p. ISBN: 978-1138478909

DOI: 10.17223/2312461X/27/13

References

Goffman, E. The Interaction Order: American Sociological Association, 1982 Presidential Address, *American Sociological Review*, 1983, 48 (1), 1, pp. 1–17.